

ЭНТОНИ БЁРДЖЕСС

*МИСТЕР ЭНДЕРБИ:
ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б48

Серия «Эксклюзивная классика»

Anthony Burgess
INSIDE MR ENDERBY

Перевод с английского *А. Комаринец*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Ферец*

Печатается с разрешения International Anthony Burgess Foundation
при содействии литературных агентств
David Higham Associates Limited и The Van Lear Agency LLC.

Бёрджесс, Энтони.

Б48 Мистер Эндерби : взгляд изнутри : [роман] / Энтони Бёрджесс ; [перевод с английского А. Комаринец]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-116267-2

Первый роман сатирической тетралогии Энтони Бёрджесса о жизни и приключениях поэта-затворника Эндерби, начатой еще в 1963 году и завершенной в 1984-м.

Мистер Эндерби вполне доволен своей жизнью: он пишет стихи в импровизированном кабинете-ванной и ведет нескончаемые споры с домохозяйкой и соседями.

Но все меняется, когда он встречает Весту Бейнбридж, редактора дамского журнала, на вручении ежегодной поэтической премии и оказывается внезапно для себя втянут в романтические отношения...

Однако муза — ревнивая возлюбленная, и она жестоко покарает изменника...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© International Anthony Burgess Foundation, 1963
© Перевод. А. Комаринец, 2015
ISBN 978-5-17-116267-2 © Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Посвящается Д'Арсю Конейрс

Вперед, последний из поэтов, —
Ты, сидя взаперти, хандришь, хвораешь.
На улице тепло, полно людей.
Бери монетку и давай скорей
Иди за чемерицей, вот и погуляешь.

*Жюль Лафорг. Воскресенья**

* Перевод Евгения Соколова.

Часть первая

Глава первая

1

— ХРРР-УМПФ.

И вам тоже счастливенького Нового года, мистер Эндерби!

Но пожелание не впрок обеим сторонам, поскольку для нас, ночных визитеров, год очень даже старый. Мы, шепчущие, трогающие, шуршащие и скрипящие половицами по вашей спальне, те грядущие поколения, к которым вы с такой надеждой обращались. Поздравляем, мистер Эндерби: вы уже попали в яблочко на мишени небес. Но ежели теперь вы проснетесь от колики в двенадцатиперстной кишке или желудке, которые для нас такая же жутковатая приправа к литературе, как золотуха Бена Джонсона, копрофагия Свифта или убийственные скачки давления у Китса, не воображайте, будто у вашей кровати посвистывают или стрекочут призраки. Чтобы быть призраком, надо сначала умереть или хотя бы родиться.

— Бэррфр-хрп.

Меткий ответ из заднего прохода мистера Эндерби. Не трогай, Присцилла. Мистер Эндерби

не вещь, чтобы в него тыкали, а великий поэт, и он спит. И вынь свой грязный пальчик у него изо рта, Альберта. Его рот открыт не ради дилетантского стоматологического осмотра, а для того чтобы дышать. Носовые отверстия (к сорока пяти годам лучшие времена носа как органа позади), эти огромные подрагивающие пещеры со своими миниатюрными подмышками и пазухами, закупорены. Не забывайте, мир запахов принадлежит его ранним стихотворениям (страницы с 1-й по 17-ю в подборке издательства Гарвардского университета, которая у вас в списке обязательного чтения). Там нам встречаются запахи вымытых волос, пикулей, дрока, соли для ванн, кожи, стружки от заточенного карандаша, консервированных груш, почтовых контор, миссис Лейзенби в магазинчике трущобного квартала, где прошло его детство, гвоздики, диабета. Но в его зрелых произведениях запахов не существует — порты-близнецы закрылись навеки. Этот нежный звук, Гарольд, называется храп. Совершенно верно, Кристина, его зубы — и нижняя и верхняя челюсти — съемные, они помещены вон в ту пластиковую емкость. Деточка, деточка, ты пролил жидкость для протезов на ковер домохозяйки мистера Эндерби. Нет, Робин, ковер не красивый и не редкий, но это собственность миссис Мельдрам. Да, сам мистер Эндерби наше достояние, всемирное наследие, но ковер принадлежит его домохозяйке.

Итак. Его волосы совершают каждодневное путешествие с головы на расческу, взвод за крошечным взводом с билетом в один конец. Вот тут,

на туалетном столике, расчески и щетки с ручками под серебро, завещанные ему отцом, владельцем табачной лавки. Щетина действительно грязная, Мэвис, но великим поэтам есть чем заняться помимо гигиены. Взгляните, как щетинки выхватили свою ежедневную порцию и без того уже не густых волос мистера Эндерби. Это священные реликвии, дети. Не бросайте все разом. По одному на каждого. Вот так. Сохраните их бережно в своих дневниках на счастье в грядущем году. Выпавшие волосы становятся собственностью нашедшего их, Генри. Мистеру Эндерби они ни к чему, но на аукционах классики за них уже дают около фунта, если симпатично оформить. Нехорошо, Одри, вырывать живой волос. Такой резкий рывок может разбудить мистера Эндерби.

— Арр-х-пч.

Что я говорил?! Вы его потревожили. Давайте подождем, пока он не уляжется, как дают успокоиться взбаламученной воде. Вот так. А какой вид открывается — согласны, детки? — когда мистер Эндерби переворачивается на крестец, а простыни соскальзывают и сваливаются на пол. Его живот вздымается двумя пологими холмами по обе стороны от врезающейся в плоть резинки пижамных штанов. Видите, какое изобилие волос? Отвратительная ирония среднего возраста в том, что волосы маршируют вниз с благородной вершины, орлиного гнезда, покидают его, словно этот самый орел, а лагерь, бараки и гарнизоны теплого вульгарного тела по-прежнему изобилуют растительностью,

бесполезной и некрасивой. И дряблая грудь, видите? То же изобилие кудельков. Да еще и подбородок, и щеки в щетине. Ощерились, как сказал бы Мильтон.

Да, Дженис, вынужден признать, что даже в полной темноте спящий мистер Эндерби — не самое приятное зрелище. Да, мы все заметили редяющие волосы, беззубый рот, множество складок вздымающейся и опадающей плоти. Но какое отношение пригожесть имеет к величию, а? Вот и поразмыслите над этим. Тебе бы не хотелось быть за ним замужем, Альберта? А ведь вполне возможно, что верно и обратное, тем более что ты глупая, хихикающая пустышка. Кто ты такая, чтобы думать, будто тебе вообще посчастливится встретить и стать спутницей великого поэта?

Ноги, что ступали по Парнасу! Видите, какие натоптыши на запутанной карте подошвы? Обломанные ногти, хотя вон на том большом пальце ноготь так загрубел, чтобы его не сломать. Согласен, не помешало бы хорошенько отмочить их в пене. Простертая, как у нищего, правая рука на деле рука короля. Благоговейно взирайте на пальцы, сейчас отдыхающие от пера. Завтра они снова возмущаются за дело, завершая стихотворение, которое он считает своим будущим шедевром. О, что создали эти пальцы! Каждый, поцелуйте руку, но осторожно, касайтесь не сильнее ползущей мухи. Понимаю, понимаю: акт целования потребует усилия воли, чтобы преодолеть естественное омерзение. Однако сим вам будет преподан небольшой урок схоласти-

ческой философии. Заскорузлые костяшки, ногти с черными ободками, въевшиеся табачные пятна (сигарету держали между пальцами, иногда о ней забывали, пока ум поэта взмывал над запахом горелой бумаги), грубая кожа — все это преходящее, внешние аспекты руки, уступка вульгарному миру потребления пищи и умирания. Но в чем истинное назначение руки? Эта рука — божественный инструмент, принесший в наши жизни чуточку благодати. Давайте, целуйте ее, целуйте. Алтея, перестань издавать такие звуки, будто тебя тошнит. А у тебя, Чарлз, лицо и так безобразное, незачем еще и рожи корчить. Вот и ладненько, целуй.

Его это практически не потревожило. Он легонько почесался. Поскреб то место, куда опустился любопытный мотылек. Тсс! Он собирается что-то сказать во сне. Ваши поцелуи разбудили спящее вдохновение. Слушайте.

Подруга моя прекрасна собой и стройна,
Трудится тяжело на ниве сладкого сна*.

И это все? Это все. Какое чудо, дети! Вы слышали его голос! Пусть невнятный и сонный, но тем не менее его голос! А теперь перейдем к прикроватной тумбочке мистера Эндерби.

Книги, детки, постельное чтение мистера Эндерби. «Блондинки как пули» — что бы это ни значило. «Кто есть кто в античности» — несомненно, очень

* Здесь и далее стихи даны в переводе Н. Сидемон-Эривави.

полезно. «Сделка Рэффити» в дурацкой обложке. «Как я преуспел» — из-под пера магната, умершего от атеросклероза. «Маленькие истории мучеников во имя Девы Марии» — сенсация. А вот, милые мои, и томик самого мистера Эндерби — «Рыба и герои», сборник его ранних стихотворений. Каким гением он был тогда! Да, Деннис, можно взять в руки, но обращайся осторожно. Ах ты несносный мальчишка, опрокинул всю стопку на пол! Что это? Что было спрятано между обтрепанными страницами? Фотографии? Не трогайте! Оставьте, они не для вас! Милосердные небеса, слабости великих... Какой позор мы непреднамеренно вскрыли. Бренда, Морин, нечего хихикать, сейчас же отдайте мне фотографию. Своими дурацкими смешками вы разбудите мистера Эндерби. Что они делают, Чарлз? Кто, мужчина и женщина на картинке? Заняты собственным делом, вот что они делают.

— У-фффф-р-хуф.

Усни, покойся, потревоженный дух! Робин, отдай, пожалуйста, фото. Да, да, уголок торчит из кармана твоего блейзера. Спасибо. Если вам так нужно знать, техническим термином будет фелляция. И хватит об этом. Пройдем на цыпочках в уборную мистера Эндерби. Вот мы и на месте. Именно здесь мистер Эндерби пишет большинство своих произведений. Удивительно, правда? Он знает, что здесь его ждет истинное уединение. Ванна полна рукописей, словарей и подтекающих авторучек. Перед унитазом низенький столик. Вон там электрообогреватель, согревающий босые ноги поэта.

Почему он избрал столь скромное помещение? Оно удивительно уместно для поэзии, ибо, как он сказал в одном интервью, поэт — очиститель и опорожнитель времени. Но с уверенностью можно утверждать, что тут кроется много большее. Какая-то детская травма, пока еще нами не обнаруженная. Зато в отделе образовательных экскурсий во времени уже поговаривают о том, чтобы продвинуться дальше в прошлое. Кто знает? Возможно, еще до окончания школы вы навестите Шекспира, корпящего в приходе Святого Олафа над морем стихов. Найджел, оставь в покое ржавые бритвы, глупый ты мальчишка! А теперь потихоньку, потихоньку... До комнаты, где он ест и где, когда не пишет, живет, один лишь шаг. Нет, Стефани, мистер Эндерби живет один по собственной воле. Любовь, любовь, любовь... Только об этом вы, девочки, и думаете. До сих пор любовная жизнь мистера Эндерби не изучена и покрыта мраком. Его отношение к женщинам? У вас есть его стихи, хотя, надо признать, секс в них почти не упоминается.

— Порририпо-хрумф.

Рожки Эльфийской страны! Мы оставляем его похрапывать в поэтической дреме. Но еще кое-что. В стихотворениях того года — которых он, разумеется, еще не написал — налицо проблески чего-то большего, чем фотографический интерес к женщине. Но у нас нет биографических свидетельств того, что имел место роман, перемена в жизни. У нас вообще мало биографических свидетельств. По сути, он, так сказать, жил больше внутри, чем

вовне. И этот адрес на приморском курорте единственный, какой у нас имеется. Вы слышите море, ребята? Это то самое море, которое знакомо и нам, жестокое, зеленое, загрязненное.

Что говорит эта комната о мистере Эндерби? В порядке, с каким расположены безделушки, явно чувствуется рука миссис Мельдрам, его домохозяйки. Да, взирайте на них с изумлением: вереницы слоников черного дерева — от маленького к большому, очаровательнейшая фарфоровая пастушка, играющая на флейте невидимым овечкам, гипсовая игрушечная подставка для гренок с лупящейся блэкпуловской позолотой, коробка для чая в форме почерневшего Брайтоновского павильона, крашенный под мрамор подсвечник из папье-маше, фарфоровая сучка и ее фарфоровый выводок, филигранная шкатулка для пуговиц. Вам нравится картина над полкой электрического камина? На ней мужчины в красных куртках готовятся провести утро за охотой, все мужчины на одно лицо, поскольку, как мы предполагаем, псевдохудожнику была по карману только одна модель. На противоположной стене британские адмиралы восемнадцатого столетия разворачивают карту *terra incognita*, а в пенных кубках блещет отсвет камина. Вот тут развеселые монахи удят рыбу в четверг, а там пожирают свой пятничный пир. Головка сумасбродки двадцатых годов, при шляпе и губной помаде — на узкой стене сразу за кухонной дверью. Перестань ковырять в носу, Эмили. И, как я уже говорил, Чарлз, выдувать пузыри из слюны на нижней губе — сущее ребя-

чество. Кухня едва ли достойна осмотра. Хорошо, хорошо, если вы настаиваете.

Как крепко воняет заплесневелым хлебом! Видите, как светится в темноте та рыба? Сковороды на высокой полке. Не трогай, Деннис, не трогай. Ах ты негодный!.. Все треклятые сковородки с грохотом и лязгом попадали вниз. Будешь еще смеяться, недотепа ты безрукий?! То-то я по вашим задницам посмеюсь, когда верну вас назад в цивилизованный мир! О боже, сотейник опрокинул чайник! Газовая плита залита водой! Какой жуткий металлический лязг! Кто рассыпал перец? Перестаньте чихать, мать вашу! А-а-пчхи! Какие вы неуклюжие! Быстро марш отсюда!

Никому из вас нельзя доверять. Последний раз провожу такую экскурсию! Сейчас же посмотрите на викторианские крыши в рыбьей чешуе черепицы под новогодней луной! Вы больше никогда их не увидите. Ничего больше не увидите в этом городке, в квартирах и меблированных комнатах которого ушедшие на покой и умирающие хрипят и сипят до рассвета. Очень похоже на огромную расческу, правда? Подмигивает блестящая изукрашенная ручка, зубцы улиц прочесывают глушь пустошей, вон там волосяной шарик дыма с железнодорожного вокзала... А над нами январское небо: Рукав альфы Центавры, Змееносец, Стрелец, планеты эпох, войны и любви клонятся к западу. И тот человек внизу, которого устроенный вами кавардак пробудил от диспепсического, с образованием газов в кишечнике сна, придает всему этому смысл.

Проснулся Эндерби от лязга и изжоги. К изголовью его кровати крепилась лампочка на прищепке с пластмассовым абажуром. Только включив ее, он сообразил, что дрожит от холода, и увидел почему. Подобрал с полу скомканные простыни, он кое-как укрылся и улегся назад смаковать боль. В ней чувствовалась необъяснимая нотка сырой репы. Шум? Так это, верно, воют кухонные божки. Крысы. Нужно бы питьевой соды принять. Надо (по меньшей мере в тысячный раз напомнил он себе) заранее смешивать ее с водой и держать под рукой у кровати. Укол заостренной сырой репой расколол ему грудину. Надо встать.

Он увидел себя в зеркале гардероба: скорчившийся ревматичный робот в пижаме шаркает в крошечный коридор. В столовой он включил свет — так пес вынюхивает кого-то, кто ловко скрылся. Ну конечно! Вокруг хнычут призраки, призраки мертвого года. Или, возможно (он язвительно улыбнулся дурашливому, тщеславному образу), сюда робко заглянули грядущие поколения. Его поразил беспорядок на кухне. Впрочем, такое случается: хрупкое равновесие вдруг нарушает микрометрическое оседание старого дома, дрожь земли или своевольные кочевники среди самой утвари. Взяв с сушилки мутный стакан, он наметелил снежную горку бикарбоната натрия, потом, залив водой, размешал двумя пальцами и выпил. Он выждал тридцать секунд, щурясь на матовое стекло задней двери. Крохотная

ручонка, прячущаяся под его надгортанником, подала знак: пора. А потом...

Упоительно! Ах, доктор, что за облегчение! Думаю, мне следует письменно поблагодарить вас за пользу, приносимую вашим продуктом. Ааааарх. Почти сразу за вторым спазмом облегчения накатила бешеный и бесстыдный голод. Он сделал три шага, необходимых, чтобы попасть от раковины к буфету, и обнаружил, что шлепает по ледяной воде, разлитой у плиты. Вытерев ноги об уроненное кухонное полотенце, он вернул на полку упавшие сковороды (он морщился от стариковской боли, когда нагибался за ними!). Потом вспомнил, что нужно вставить зубы, поэтому побрел назад в спальню, по дороге включив электрокамин в гостиной. Он поцокал перед зеркалом с фальшивым блеском, потом совершил краткий и неуклюжий танец ярости, пугая двойника за стеклом. В буфете нашлись катышки окаменевшего чеддера в грязной обертке. Рядом в банке с густым маринадом плавал похожий на кукольные мозги одинокий карлик цветной капусты. Еще было полбанки сардин, эдаких пухлых ножей в золотистом масле. Он ел руками, которые затем насухо вытер о пижаму.

Почти сразу среагировал кишечник. Метнувшись — ни дать ни взять персонаж глупой комедии — в сортир, он со вздохом сел и включил обогреватель. Почесал босые ноги и задумчиво взялся за исчерканный черновик, над которым работал. Хррпффрумппфф. Это был набросок аллегории, повествовательной поэмы, сплавившей два мифа — микенский и христианский. Крылатый бык